

Весь день, пока длилась простуда, Ли Сычэнь провёл в постели. Обед и ужин ему приносила Цзинь Я; разумеется, каждый её визит сопровождался порцией сочувственных наставлений. По её логике, человек не мог разболеться просто от того, что попал под дождь — во всём виновато отсутствие должной заботы о себе.

На следующее утро Сычэнь поднялся в пять часов. Он полчаса нарезал круги по съёмочной площадке, пока работники разных цехов один за другим не начали просыпаться.

— Фух... — Сычэнь остановился, тяжело дыша.

Для первого раза тридцать минут бега дались ему нелегко, но он понимал: если хочешь иметь крепкое здоровье, без тренировок не обойтись.

— Карлос, почему ты так рано вскочил? — Цзинь Я, едва выйдя из дома, заметила его фигуру у порога и тут же схватила за руку. — Ты же ещё не выздоровел! Зачем поднялся в такую рань вместо того, чтобы отдохнуть?

— Я в порядке, сестра Я. Простуда совсем прошла, — Сычэнь улыбнулся. Видя её искреннее беспокойство, он чувствовал глубокую благодарность и не хотел её расстраивать. — Просто я провалялся весь вчерашний день, и сегодня утром совсем не спалось. Вот и решил немного размяться.

— Правда? — Цзинь Я с сомнением приложила ладонь к его лбу. — Ой, и впрямь прохладный. Поразительно! Обычно люди неделю мучаются с температурой. А у тебя, Карлос, похоже, отличный иммунитет.

Она со смехом похлопала его по плечу, не заметив, как он помрачнел.

Раньше, если он заболел, до него никому не было дела. Люди, приносившие еду, просто выполняли поручение; их не волновало, ел он в своей маленькой деревянной хижине или нет. Если он не выздоравливал быстро, то рисковал просто умереть от голода. О таких вещах он никогда бы не рассказал Цзинь Я.

Сычэнь коснулся лба. Стоило жизни наладиться, как старые воспоминания начали всплывать всё чаще. Хотя тогда, живя в той маленькой деревянной хижине, он, кроме редких приступов одиночества, почти ничего не чувствовал. Видимо, только теперь, когда ему было с чем сравнивать, он осознал, насколько паршивым было его прошлое.

— Сестра Я, я пойду переоденусь. Скоро съёмки начнутся, — сказал он, выдавив улыбку.

— Хорошо, беги скорее.

Цзинь Я хоть и заботилась о Сычэне, но её вниманию не хватало чуткости. Порой всё кроется в

деталях: для неё Сычэнь был просто необычным ребёнком, требующим чуть больше присмотра. Если бы на её месте была Мишель, разговор сложился бы совсем иначе.

Подойдя к своей комнате, Сычэнь увидел человека, ждавшего его у двери. Знакомый силуэт заставил его сердце потеплеть.

— Брат Шаньчэнь, я уже в норме. И спасибо тебе за вчерашнее. Если бы не ты, никто бы и не заметил, что у меня жар.

Лю Шаньчэнь нахмурился и обернулся к нему:

— Ты сказал «спасибо» уже не один раз. А я всего лишь помог.

Сычэнь смущённо потёр затылок:

— Ну, благодарности много не бывает. Я и впрямь признателен тебе, ведь если бы не ты...

Видя, что мальчик собирается повторить всё сначала, Лю Шаньчэнь поспешно его перебил:

— Ладно-ладно, хватит. Ты зовёшь меня братом, так что нет ничего странного в том, что я о тебе беспокоюсь. Разве говорят «спасибо» близким людям?

Этот риторический вопрос заставил Сычэня всерьёз задуматься. Он склонил голову набок, погрузившись в размышления. Спустя минуту он серьёзно кивнул:

— Да, говорят.

Лю Шаньчэнь удивился такому ответу:

— Говорят?

— Угу. Если они добры ко мне, я обязательно их поблагодарю. Правда, маме я «спасибо» говорить не буду — я просто постараюсь ей отплатить.

Сычэнь не совсем понимал общепринятую концепцию «родственников», но он разделял людей на тех, кто связан с ним кровью, и тех, кто нет. И Мишель занимала в его сердце совершенно особое место.

Лю Шаньчэнь чутко уловил разницу в его словах. Казалось, в понимании мальчика «мать» была кем-то большим, чем просто родственницей. Он вспомнил, как вчера утром Сычэнь в бреду звал маму на китайском. Если память не изменяла, он спрашивал: «Почему ты меня

оставила?».

подавив любопытство, Шаньчэнь мягко улыбнулся:

— Понятно. Твоя мать, должно быть, очень тебя любит.

— Да, она замечательная. Самый важный человек в моей жизни, — Сычэнь осёкся и добавил:
— Один из самых важных.

Помимо Мишель, в его сердце на той же ступени стояла тётушка Чжан.

— Вот как? — Шаньчэнь изобразил удивление. — Интересно. А я?

Слова вылетели прежде, чем он успел их обдумать.

— Ты... — Сычэнь замялся, покусывая губу. Он начал загибать пальцы, ведя подсчёты. — Самых важных — двое. Очень важных — трое. Брат Шаньчэнь, ты — очень важный человек.

В этот список входили ещё Ли Гоудань и Дерик — его верные товарищи. Но едва договорив, Сычэнь нахмурился, отрицая собственные слова:

— Нет, не так. Ты от них отличаешься, ведь ты старше. Даже не знаю, как тебя считать.

— Если не знаешь, как считать — не считай, — Лю Шаньчэнь положил руку на голову мальчика. Быть в отдельной категории — статус куда более почётный, чем стоять в общем ряду. — Сегодня у тебя снова совместная сцена с Лэнсом. Придумал, как будешь играть?

Сычэнь помрачнел. После возвращения на площадку он каждую свободную минуту прокручивал в голове ту сцену. Но как бы долго он ни размышлял, выхода не видел. Рядом с таким мастером, как Лэнс, любая его игра казалась блеклой, он словно растворялся в тени партнёра. Это гнетущее чувство было для него в новинку.

— Неужели ты забыл про меня? — Лю Шаньчэнь не хотел подсказывать в лоб, но, видя мучения мальчика, не выдержал.

— Про тебя? — Сычэнь посмотрел на него и вдруг просиял. — Точно! Брат Шаньчэнь, тогда я полагаюсь на твою помощь.

Он сказал это так легко, будто и не было недавних размолвок. В глубине души он всё ещё соревновался с собой, ожидая дня, когда все признают его талант, но Мишель всегда говорила: «Тот, кто не пользуется доступными ресурсами — дурак». Настоящий лидер должен уметь

использовать всё, что есть под рукой. Сычэнь не до конца понимал смысл этой фразы, но интуитивно последовал ей. К тому же к Лю Шаньчэню он испытывал искреннюю благодарность.

— Договорились.

Вскоре проснулись и остальные. Грим Лэнса был сложным и занимал больше всего времени. Сидя в кресле, он заметил Сычэня и не упустил случая поддеть его:

— Карлос, ты что, так меня испугался, что вчера весь день прятался?

— Господин Лэнс, у меня был жар, я весь день пролежал в постели, — честно ответил Сычэнь, повторяя про себя советы Лю Шаньчэня.

— Неужели и впрямь заболел? — Лэнс усмехнулся, и в его голосе зазвучали едкие нотки. — А я-то думал, ты притворился больным, чтобы весь день репетировать втихаря. Только вот, малыш, сколько ни тренируйся, прыгнуть выше головы не выйдет. Давай так: признай поражение, и я перестану перетягивать на себя внимание в кадре. Идёт?

Сычэнь уже понял, что этот человек провоцирует его намеренно.

— Господин Лэнс, я думал, перетягивать одеяло на себя — это удел детей. Вы же взрослый человек, зачем вести себя так инфантильно? — в голосе мальчика прозвучала искренняя обида.

В гримёрке послышались сдавленные смешки.

Сычэнь выглядел растерянным. Он и не подозревал, что попал в самую точку: Лэнс часто вёл себя как капризный ребёнок, и все в съёмочной группе об этом знали, но никто не решался сказать вслух.

Лэнс мгновенно вспыхнул и вскочил, хлопнув по столу:

— Что значит «инфантильно»?! Это работа на камеру! Нужно сделать так, чтобы зритель смотрел на тебя, чтобы полюбил твоего персонажа. Ты, сопляк, ничего в этом не смыслишь!

— Я сопляк, — Сычэнь надулся и пробормотал под нос: — А соревноваться с сопляком в краже кадров — это и есть инфантилизм.

— Ты... ты... мелкий паршивец... — Лэнс ткнул пальцем в сторону Сычэня, не находя слов. Крыть было нечем.

— Я маленький, господину Лэнсу нет нужды напоминать об этом при каждом удобном случае. Мне всего тринадцать.

Видя, что Лэнс замолчал, Сычэнь впервые почувствовал все преимущества своего возраста. Он ведь ребёнок, а детям многое прощается. Повернувшись к двери, он поймал взгляд Лю Шаньчэня и благодарно улыбнулся. Если бы не его совет, он бы и не додумался использовать статус «ребёнка» как щит против Лэнса.

Лю Шаньчэнь, прислонившийся к дверному косяку, одобрительно кивнул и, сохранив бесстрастное выражение лица, развернулся и ушёл.

Тем временем гримёры буквально силой усадили Лэнса обратно в кресло, хотя тот всё ещё кипел от ярости:

— То есть, по-твоему, я должен тебе поддаваться и не смею забирать внимание на себя?!

— Я этого не говорил, господин Лэнс. И я никогда не обвинял вас в том, что вы крадёте сцены. Вы сами об этом заговорили, а я лишь заметил, что это детские игры. Но обещаю: скоро я заставлю вас посмотреть на меня совсем другими глазами.

С этими словами Сычэнь вышел из гримёрки.

Все присутствующие невольно прокрутили в голове их диалог. И верно: слово «кража сцены» первым произнёс именно Лэнс. Сычэнь лишь подхватил его мысль. Получалось, что Лэнс сам себя перехитрил. Глядя на его перекошенное лицо, гримёры опустили головы, пряча улыбки.

— Эй, ты что имел в виду?! — Лэнс дёрнулся было вслед за мальчиком, но его снова удержали.

— Господин Лэнс, грим ещё не закончен. Вам нельзя уходить!

<http://bllate.org/book/17536/1705379>